

Пан Сяо потребовалось мгновение, чтобы обработать то, что она только что сказала. Неудачно он ответил: "Было бы неразумно, если бы вы участвовали в этом публично". У меня есть свои способы убедить их. Не вмешивайся в это".

Богатые семьи сидели и ждали, пока люди вздрогнут у их дверей. Какой приличия они бы проявили? Более того, многие из них когда-то служили при дворе Великого Яна. Возможно, некоторые до сих пор не признали Великого Чжоу законным правительством.

Несмотря на истинную целостность их характера, если бы они снисходительно относились к Цинь Инину со стороны их морально высоких лошадей, это было бы точно уродливо.

Как дочь некогда Великого Наставника Наследника Видимого, она также считалась императрицей. Теперь, когда она была супругой принцессы того, кто растоптал их народ, она была самой большой предательницей в их глазах.

Пан Сяо знал, что Цинь Иньн пережил много трудностей с тех пор, как бросил свой жребий с его. Как он мог позволить другим теперь махать ею своими языками?

Видя, что на его лице написано сомнение, Цинь Иньн имел больше, чем просто представление о том, что его беспокоит. В ее сердце самопроизвольно вспыхнуло тепло. Обернув руки вокруг рук Пан Сяо, она прижала его плечо.

"Не волнуйся. Я что, тот, кого волнует, что обо мне думают другие? Кроме того, возможно ли вообще получить одобрение всех? Наши позиции все разные, так что я пойму, если они захотят проклинать меня."

"Может быть, но послушай меня. Я пойду сам. Не вмешивайся и не пытайся прийти". Сердце Пан Сяо болело за Цинь Иньна, когда он приблизил её. Чем разумнее она была, тем больше он чувствовал к ней. Почему же еще у нее не было выбора, кроме как хорошо разбираться в темной стороне человеческой природы, в эпоху, когда она должна была быть невинной и беззаботной, если бы не многочисленные жизненные невзгоды?

Несмотря на то, что они были омрачены темнотой ночи, они все еще были на улице. Цинь Иньн нежно оттолкнула Пан Сяо в сторону, ее щеки покраснели.

Даже когда он больше не держал ее, он все равно держал ее за плечи, пока они шли к ямэнь.

"Если ты настаиваешь, я больше не буду говорить. Это правда, что пока мы должны быть осторожны". Цинь Иньн также не хотел быть заметным и привлекать неприятности для Пан Сяо. Ли Цициань уже окружил старую столицу, в конце концов.

Её муж кивнул, когда понял, что она имела в виду. "Верно, нам нужно только сконцентрироваться на ликвидации последствий катастрофы и наблюдать за тем, как мы

говорим о других вещах. Мы не можем дать никому ничего, что может быть использовано против нас".

"Я понимаю. Если я не могу участвовать в переговорах, то у меня тоже нет причин блуждать на улице". Цинь Инь и раньше своими глазами видела хаос и жестокость войны.

Когда люди жили в постоянном страхе за свою жизнь, мораль была роскошью. Она заключалась в том, чтобы выходить на улицу во время такого принуждения; некоторые могли ухватиться за возможность причинить неприятности.

Видя, насколько разумной она была, он бы тянул ее в свои объятия, чтобы показать ей глубины своей любви, если бы они не были на улице.

Когда двое подошли к кухне с супом, они увидели беспокойную толпу, борющуюся на улице.

В толпе из нескольких сотен человек трудоспособные вырвались на фронт, оставив на окраине стариков, слабых, женщин и молодых, отрезанных от жизни. Грязные, засохшие руки поднимали высокие разбитые миски и обрывки керамики, сражаясь за половник с кашей. Среди обломков и старых деревьев, вырванных из листьев, дети плакали, а старики всхлипывали...

Зрелище захлопнулось в Цинь Инь и Пан Сяо; сердца упали и разорвались от боли.

Так что насчет борьбы за сокровища или власть? Прямо сейчас они ничего не значили по сравнению с рисовым камнем!

Это были граждане, оставшиеся на два месяца после землетрясения! Никто не заботился и не спрашивал о них! Они прошли через череду несчастий - их старый император, тиран, и их нынешний император охотится за сокровищами без заботы о своем народе.

Когда боги сражаются, страдают смертные. Но что плохого сделали простые люди?

Пан Сяо скрежещал зубами так сильно, что они шлифовали друг на друга, а затем тянули в Цинь Инь, чтобы уйти.

Только после того, как они дистанцировались от суматохи, Пан Сяо осудил: "Так продолжаться не может". Наши провизии долго не протянут. Нужно заставить эти богатые семьи выкашлять некоторые из их магазинов, иначе погибнет больше людей! Они избежали того, чтобы быть раздавленными до смерти только для того, чтобы умереть с голоду своим собственным императором... черт возьми!"

Он пробил желтую грязную стену рядом с ним в своей ярости. Уже изрезанный трещинами от толчков, он рухнул на облако пыли и обломки с громким грохотом.

Цинь Инь взял Пан Сяо за руку. Его рука была согнута в тугой кулак, вены выступали. Смесь крови и грязи покрыла костяшки пальцев, создавая жуткое зрелище.

Однако она не ворчала, а только бездумно вытащила их водяной мешок, чтобы почистить руку. Клэри втирала в его раны лекарственную мазь, которую дал ей Бинтанг, а затем обвязала их светло-зеленым шелковым носовым платком.

Всплеск ярости Пан Сяо рассеялся, как дым, под нежной заботой Цинь Иня; теперь его сердце успокоилось, как неподвижная вода. Он опустил глаза, чтобы посмотреть на женщину, внимательно следившую за его ранами.

Что бы ни случилось, он был бы достаточно силен, чтобы справиться со всем этим, если бы она была рядом с ним. Он должен был... Он был мужчиной, у которого была семья, которую он должен был содержать. Для нее он бы держал небо.

"Моя дорогая, я..." Пан Сяо ушел с угрызениями совести.

Цинь Инь взял палец с его щетиной на щеке. "Не поранься так в следующий раз.

Это зона бедствия. Даже здоровые люди боятся подхватить болезнь, а ты без причины калечишься? Если ты сделаешь это снова, я причиню себе боль вместе с тобой".

"Так не пойдёт. У меня толстая кожа, ты не можешь сказать то же самое о себе."

"Толстая кожа означает, что ты не чувствуешь боли? Даже если не чувствуешь, мое сердце чувствует." Цинь Инь повернулся и пошёл в сторону яменя. "Если ты будешь продолжать так делать, я не позволю тебе спать внутри."

<http://tl.rulate.ru/book/13071/998659>